

«Культурная травма»

Блюхер Ф. Н.,
к. филос. н., в. н. с., Институт философии РАН,
руководитель сектора философских проблем социальных и гуманитарных наук,
г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1,
obluher@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается понятие «культурная травма», появившееся в начале XXI века в рамках процесса поисков идентичности. Понятие определяется как оценочная метафора. В истории России находятся периоды, которые можно рассмотреть с точки зрения использования данного понятия. Показывается, каким образом исторические и идеологические споры конца XX века приобрели характер религиозных противоречий. Выдвигается гипотеза, вследствие каких событий понятия нормальной политологической лексики потеряли изначальный смысл и превратились в идеологические шаблоны.

Ключевые слова: культурная травма, метафора, идеология, история, народ.

Кавычки в названии означают, что само понятие «культурная травма» рассматривается нами как метафора. Если мы обращаемся к классификации метафор, описанной В. Н. Телией, то, скорее всего, должны будем отнести «культурную травму» либо к когнитивным, либо к оценочным метафорам. Разница между ними заключается в том, что цель когнитивной метафоры «скорее логическая, чем лингвистическая, ее задача — отразить новое явление, с которым сталкивается человек, создать его смысловую модель», в то время как в оценочной метафорике «выделенный предикатом признак становится смысловой вершиной оценочного значения наряду с оценкой» [Телия, 1988, с. 175], выполняя роль катализатора оценочной реакции. В случае когнитивной метафоры нас интересует собственно «травма», и задача состоит в том, чтобы ее вылечить, поэтому «культура» может рассматриваться или как симптом, или как способ воздействия, ведущий к излечению. Если перед нами оценочная метафора, то центр смыслового воздействия связывается с понятие «культурная», что имплицитно предполагает отказ от надежды на скорое выздоровление. К оценочным метафорам можно отнести такие словосочетания, как «пролетарское сознание», «народная демократия», «демократические историки», «современная философия» и даже широко распространенное в узких кругах мнение, что за время советской власти «изменился генофонд русского народа». Оперирование такими понятиями не предполагает исследование «сознания», «форм правления», «мастерства работы с источниками», «философских текстов» или, упаси бог, «гаплогруппы», прилагательные «пролетарское», «народное», «демократическое», «современное» выступают в виде маркера идеологической оценки, которая важна, прежде всего, для быстроты ориентирования в ситуации свой/чужой.

В статье «Джампаоло Панса и его вклад в коллективную память итальянцев» А. И. Неретин, цитируя Р. Айермана, соглашается, что «культурная травма означает

драматичную утрату идентичности и смысла, прореху в ткани общества, которая воздействует на группу людей, достигших определенной степени сплоченности» [Неретин, 2023, с. 36]. Одновременно с этим замечается, что «наличие новых смысловых и причинных связей» заставляет человека прибегать к образованию подобных понятий. В этой ситуации непонятно лишь одно: почему для обозначения «новых смысловых связей» общество обращается к скрытым в культуре событиям прошлого.

Ситуация не нова. Понимая, что война с Наполеоном неизбежна, Александр I призывает на высокую государственную службу раздражавших его своим консерватизмом А. С. Шишкова и Ф. В. Ростопчина. В их задачу входило составление манифестов, рескриптов, приказов и подготовка народного ополчения в условиях Отечественной войны. Оба отправлены в отставку в 1814 году. Так один из самых «прогрессивных» императоров России в лихую годину был вынужден опираться на деятелей предшествующей эпохи, в том числе из-за их предполагаемой близости к народной культуре.

В конце 30-х годов XX века, понимая неизбежность войны против германского фашизма, власть СССР начинает использовать в идеологическом обороте нарративы о героях Российской империи, возникшие в XVIII и XIX столетиях: Александре Невском, Дмитрие Донском, Минине и Пожарском, Петре I, Александре Суворове и других. В этом случае обращение к прошлому страны не ограничилось тактическим использованием «народного» языка, произошла не только конъюнктурная замена основной идеологемы, при помощи средств искусства была создана культурная парадигма освещения прошлого России, которая просуществовала в практически неизменном виде до конца XX века.

Бурные события 90-х годов прошлого столетия и первых десятилетий XXI века, приведшие к слову привычной парадигмы, и общественная дискуссия середины 90-х «либо либерализм, либо демократия», обслуживающая установление авторитарного правления первого президента России, перевели научные дискуссии 80-х годов XX века в идеологический регистр. Именно в это время достоянием широкой общественности становится не только «Архипелаг ГУЛАГ», но и иная, не подвергнувшаяся источниковедческой критике «мемуарная» литература, изданная победившими бенефициарами участников «беловежского сговора». Можно утверждать, что страна пережила «культурную травму». Возможно, обращение к недавнему опыту собственной страны поможет нам понять, почему «мемуары» победивших воспринимаются как «раздражитель, побуждающий перевести мифы в сознание».

Безусловно, создававшийся с конца 30-х до середины 50-х годов миф о «великом русском народе» имел не только научное, но и идеологическое содержание. Историки в статьях писали и о сложностях с обнаружением места Ледового побоища, и о невозможности собрать 100-тысячное войско на Куликовом поле, и о взятии Праги войсками Суворова, и о царедворстве Кутузова, но ничто из этого не затмевало военных подвигов русского народа. Описанная в книгах и показанная в фильмах героическая сага о том, как отсталая во всех отношениях страна побеждает сильнейшие армии Европы, по существу, заменила в России в середине XX века религию. Новым символом веры стали гениальные полководцы, связанные глубинной сутью с русским народом, их победоносные войска и сам народ, приносящий себя в жертву ради Родины. Первые два символа — полководцы и войска — были объектом изучения профессиональных историков; последний — сложный символ «народ» — конструировался идеологами в соответствии

с задачами политического момента. При этом сам «народ» находился в пассивном состоянии. Его можно было обмануть, эксплуатировать, даже угнетать, потому что он был «темный», «забитый», «необразованный». Именно на фоне такого народа хорошо смотрелся образованный, сознательный и гуманный «советский человек».

Началась «перестройка», и на месте «советского человека» опять появился «народ», который обманули, а в 1993 году еще и «расстреляли». Затем под руководством верховного главнокомандующего военный министр генерал армии Грачев начал Первую чеченскую войну, которую через полтора года проиграл. Выборы 1996-го и дефолт 1998 года окончательно похоронили миф о «народном президенте», под руководством которого «образованные технократы» приведут Россию в «единую семью европейских народов», с минимальной пенсией в 300 евро. К 2000 году от советского символа веры остались только «войска», которых кто-то, связанный с народом, должен был привести к победе. Слава богу, такой человек нашелся. Победа во Второй чеченской войне, силовое решение кризиса с захватом заложников на Дубровке, подавление исламских террористов в России и на Кавказе и победа в пятидневной войне 2008 года возродили веру если не в гениальных полководцев, то в наличие вождя, вокруг которого могут сплотиться народные массы.

Запрет на «обязательную идеологию», вписанный в Конституцию РФ, привел к тому, что место аргументированных идеологических противостояний социалистов и либералов, характерных для политических баталий во время демократических выборов, занял более древний институт — религия. А единственной понятной и привычной для большинства народа религией оказался миф «о потерянном золотом веке» — СССР. Даже такой анекдотичный в полном смысле слова персонаж, как генеральный секретарь КПСС Л. И. Брежнев, со временем превратился просто в «доброего человека». Далее все начинает восприниматься в соответствии с логикой удвоения реальности, характерной для религиозного мировоззрения. Был Рай, значит, должен быть и Ад, если есть Ангелы, то должны быть и Черты, если есть Войско Христово, то и сражаться оно должно в союзе с правоверными не иначе как против Сатаны. Вставляя вместо слов с заглавными буквами конкретные фамилии и название стран, сторонники той или иной «современной» религии проходят сеанс групповой психотерапии, стараясь избежать «культурной травмы». Но если для одних потерей идентичности и смысла оказалась «главная геополитическая катастрофа XX века», то для других катастрофой стали реалии мировой политики последних 30 лет, которые естественным образом разоблачили ложь реформаторов 90-х.

Наши идеологические споры приобретают характер религиозных войн, где слова и лозунги начинают обретать совершенно иной смысл. Лозунг «Нет войне», выдвинутый противниками СВО в прошлом году, через год стал означать «война против России до победного конца, с выплатой полной контрибуции». «Воины света», защищающие Украину, существуют исключительно за счет долларовой эмиссии, организованной американским правительством. Отставной военный министр ДНР И. И. Стрелков, единственный, предупредивший в феврале 2022 года о затяжном характере военных действий, сидит в СИЗО, а «философ» Дугин А. Г., потерявший дочь в результате украинского теракта, предлагает поднять над поликонфессиональным войском «Спас Нерукотворный» [Дугин, 2023], что можно объяснить только горем «обезумевшего отца». Мы не сможем договориться ни о чем, потому что слова, которые мы употребляем, часто начинают приобретать совершенно противоположный смысл. Где же начало этого кошмара?

Для меня это август — сентябрь 1991 года. А именно признанный в дальнейшем неконституционным указ Б. Н. Ельцина от 23 августа «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР» и не предусмотренное регламентом принятое 5 сентября решение Съезда народных депутатов СССР о самороспуске, противоречащее результатам референдума от 17 марта 1991 года. Самодовольное поведение «победителей», думающих, что они смогли обхитрить народ, обернулось отказом народа считать «власть» представителем народа, а отказ от компромисса с «побежденными» коммунистами исключил возможность открытого идеологического диалога в легитимном процессе построения демократического государства. Если слова не связаны с действиями, которые можно проверить и исправить, они теряют смысл и, сбываясь, могут стать для победителей «культурной травмой». В 2000 году Союз правых сил шел на выборы под лозунгом «Путина — в президенты, Кириенко — в Государственную думу». Пожелания сбылись, с 2016 года и по сию пору оба политика работают в тандеме.

Литература

1. Дугин А. Г. Пора отбросить шелуху «корпорации Россия» // Русский дозор от 02.10.2023. URL: https://rusdozor.ru/2023/10/02/dugin-prizval-otkazatsya-ot-simvola-svo-pora-otbrosit-sheluxu-korporacii-rossiya_1375256/ (дата обращения: 25.10.2023).
2. Неретин А. И. Джампаоло Панса и его вклад в коллективную память итальянцев // Vox. Философский журнал. 2023. № 41. С. 32–40. URL: https://vox-journal.org/content/Vox%2041/Vox41_3Неретин.pdf (дата обращения: 25.10.2023).
3. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубряков, В. И. Постовалова и др. М.: Наука, 1988. С. 173–204.

References

1. Dugin A. G. "Pora otbrosit' shelukhu «korporatsii Rossiya»" [It's time to discard the husk of the "Russia corporation"], *Russkiy dozor*, 02.10.2023. URL: [https://rusdozor.ru/2023/10/02/dugin-prizval-otkazatsya-ot-simvola-svo-pora-otbrosit-sheluxu-korporacii-rossiya_1375256/, accessed on 25.10.2023]. (In Russian.)
2. Neretin A. I. "Dzhampaolo Pansa i yego vklad v kollektivnuyu pamyat' ital'yantsev" [Giampaolo Pansa and his contribution to the collective memory of Italians], *Vox. Filosofskij zhurnal*, 2023, no. 41, pp. 32–40. URL: [https://vox-journal.org/content/Vox%2041/Vox41_3Неретин.pdf, accessed on 25.10.2023]. (In Russian.)
3. Teliya V. N. "Metaforizatsiya i yeye rol' v sozdanii yazykovoy kartiny mira" [Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world], in: *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The role of the human factor in language: Language and the picture of the world], B. A. Serebrennikov, Ye. S. Kubryakov, V. I. Postovalova and etc. Moscow: Nauka, 1988, pp. 173–204. (In Russian.)

“Cultural trauma”

Blucher F. N.,

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Head of the Sector of Philosophical Problems of Social and Humanitarian Sciences,
Leading Researcher,
obluher@gmail.com

Abstract: The article examines the concept of “cultural trauma”, which appeared at the beginning of the 21st century as part of the process of searching for identity. The concept is defined as an evaluative metaphor. There are periods in the history of Russia that can be considered from the point of view of using this concept. It is shown how the historical and ideological disputes of the late twentieth century acquired the character of religious contradictions. A hypothesis is put forward as a result of what events the concepts of normal political science vocabulary lost their original meaning and turned into ideological templates.

Keywords: cultural trauma, metaphor, ideology, history, people.